

Citation:

Зелинская, О. Ю. (2020). Предостережения и запреты как способ воздействия на адресата в украинских проповедях XVII–XVIII вв. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 55, Article 2000. <https://doi.org/10.11649/sfps.2000>

Zelinskaia, O. I. (2020). Predosterezheniia i zaprety kak sposob vozdeistviia na adresata v ukrainskikh propovediakh XVII–XVIII vv. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 55, Article 2000. <https://doi.org/10.11649/sfps.2000>

DOI: 10.11649/sfps.2000

Оксана Юрьевна Зелинская
(Уманский государственный педагогический
университет имени Павла Тычины)

Предостережения и запреты как способ воздействия на адресата в украинских проповедях XVII–XVIII вв.

Психологическое воздействие на человека, в результате которого должны измениться его субъективные характеристики (ценностные ориентации, деятельность, поведение), как отмечают ученые, являются важной стороной человеческого бытия (Балл & Бургин, 1994, с. 56; Ковалев, 1987, с. 41).

Субъект, произносящий высказывание, совершает речевой акт – действие, реализующее актуальную интенцию и направленное на адресата. Разновидностью психологического воздействия есть акт речевого общения, во время которого субъект воздействия стремится спровоцировать поведение реципиента в нужном направлении (Леонтьев, 1997, сс. 271, 273). А. Кинцель, оценивая значимость речевого воздействия, отмечает, что формирование человека как социального существа происходит, прежде всего, за счет речевого воздействия (Кинцель, 2013, с. 151). В религиозной

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2020.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk]

коммуникации такое воздействие направлено на приобщение к христианским нормам и ценностям. Коррекция поведения человека входит в круг задач священника, которые наиболее успешно он осуществляет в своей проповеднической деятельности.

Важнейшая коммуникативная цель адресанта (проповедника) – путем словесного влияния укреплять прихожан в вере, склонять их строить свою жизнь согласно Заповедям Божиим, а также предостеречь их от совершения поступков и действий, противоречащих Заповедям. Весь спектр поступков, явлений, действий и даже мыслей, нарушающих христианские принципы, воплощает понятие «грех». Для реализации намерения предотвратить греховное поведение, убедить каждого не совершать греховных поступков и действий проповедник в качестве средства психологического воздействия использует речевые акты предостережения и запрета. Большинство лингвистов прагматическую функцию этих речевых актов изучали на материале современных текстов.

Цель этой статьи – исследовать традицию использования речевых актов предостережения и запрета в диахронии, раскрыть специфику их употребления как средства воздействия на адресатов в проповедническом дискурсе.

Материалом исследования избраны памятники письменности украинского языка – христианские проповеди XVII–XVIII вв.: традиционные, изданные в сборниках, именуемых *Учительными евангелиями*, и проповеди нового типа, барочные, сформировавшиеся под влиянием европейской эстетики эпохи Барокко, авторства наиболее известных украинских проповедников И. Галятовского, А. Радивиловского¹.

В основе всех жанров религиозного дискурса лежит феномен веры, которая в аспекте психологических исследований рассматривается как отображение

¹ Многие исследователи утверждают, что барочные проповеди сформировались в украинской культуре под влиянием польской, поэтому их в научной литературе часто называют латино-польскими. Особое влияние на развитие украинского проповедничества эпохи Барокко оказали книги польских проповедников Ф. Дзеловского *Gościńiec prosty do nieba ...* (Краков, 1677) и Ф. Млодзяновского *Kazanie i homilye na niedziele doroczne* (Познань, 1681). Частично вопрос о польском влиянии на украинскую барочную проповедь изложен в статье *Барочная проповедь как отражение украинско-польских связей* (Зелінська, 2013). Влияние польских проповедников на специфику выбора средств речевого воздействия на адресата в произведениях украинских проповедников требует специального исследования, что есть перспективой для дальнейших студий.

базовых потребностей человека в безопасности, любви и признании (Савелюк, 2015, с. 81). В лингвистической литературе высказывания, передающие коммуникативное значение запрета и предупреждения, чаще всего именуют *превентивами* и *прохибитивами*. В работах встречаем также термин *авертив* (от фр. *avertir* – ‘предупреждать’) (Ерофеева, 2015, с. 164). Анализируя высказывания авертивной семантики на материале французского языка, Е. Ерофеева отмечает сходство в плане выражения речевого акта предупреждения с речевым актом угрозы и рассматривает их в качестве гипонимов по отношению к более широкой группе высказываний с иллюкутивным значением «предупреждение нежелательного действия» (Ерофеева, 2014, с. 240).

Речевые акты предостережения и запрета неоднократно становились предметом изучения лингвистов на материале современных языков. Н. Добрушина изучала грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения в разных языках. Автор акцентирует, что фокусом превентива является предотвращение нежелательного события; побуждение адресата не совершать действия. Превентивные конструкции могут призывать либо к неосуществлению события, либо к неосуществлению действия, которое может стать причиной осуществления события (Добрушина, 2006, сс. 30, 51).

Семантику и способы выражения превентива в русском языке изучала Ю. Кленина. Автор обращает внимание, что предостережение традиционно рассматривали как особое значение отрицательной императивной формы глагола совершенного вида, т. е. как явление морфологического уровня (Кленина, 2003, с. 59). На этом акцентировала и Н. Добрушина, указывая, что поскольку основной целью превентива является побуждение адресата не совершать действия, то превентивные конструкции в описаниях, как правило, рассматривались среди разновидностей императивных форм (Добрушина, 2006, с. 51). В результате наблюдений за особенностями функционирования превентива Ю. Кленина пришла к выводу, что превентив – это особый коммуникативно-прагматический тип волеизъявительного высказывания, реализующий семантику предостережения, он функционально шире глагольной словоформы, а семантика предостережения представляет собой систему разноуровневых средств: лексических, морфологических, синтаксических, ритмико-интонационных (Кленина, 2003, с. 38). Близки по значению к превентивам прохибитивы – речевые акты запрета. Например, Ф. Назари, рассматривая способы выражения запрета в русском языке, использует

термин *запрет-превентив*, которым обозначает волеизъявление адресанта, относящееся к сфере будущего, когда действие адресатом еще не совершенное, но может быть осуществлено им (Назари, 2011, с. 684).

Н. Куравская, обобщая выводы многих лингвистов о природе прохибитива, определяет его как категорическое волеизъявление говорящего, направленное на предотвращение действия или прекращение уже начатого (Куравська, 2016, сс. 70, 73). Таким образом, интенция в обоих типах высказываний – превентива и прохибитива – направлена на недопущение совершения какого-либо действия или поступка.

Одним из главных языковых средств выражения волеизъявления проповедника, направленного на предотвращение выполнения действия или поступка, становятся лексемы с общим значением 'предостерегать'. Ю. Кленина, выделяя этот тип, называет его лексически эксплицированным предостережением, когда превентивная семантика содержится в самой лексеме глаголов со значением боязни и опасения (Кленина, 2003, с. 118).

В исследуемых текстах украинских проповедей XVII–XVIII вв. эту роль выполняли глаголы **хронитися**, **стерегтися**, **вистертьгатися**, **запобьгти**. Обращаясь к адресатам, священник употребляет их в разных глагольных формах:

первого лица множественного числа:

Стережтьмося претю, Братіє [...] Не чинтьмо того, абысмю завидачи богатимъ в дарахъ, и себе внтьвечъ оборочали, и другимъ до погибели причиною были (Євангеліє учителное, 1637, с. 182);

Хронтьмо жъ сѧ мы гръховъ, поневажъ за гръхи бгъ хоробами людей навъжаєт(ь) (Галятовський, 1659/1985, с. 101);

Выстертьгаймосѧ гръховъ и дла того, бо за гръхи смертю бгъ людей караєтъ (Галятовський, 1659/1985, с. 102);

второго лица множественного числа изъявительного наклонения:

Стережтьтеса тоєи стъти пекелнои (Галятовський, 1659/1985, с. 69);

[...] толкво єдногю тогю во встьмъ и всегда хрантьтеса, що єсть гръхъ (Семя слова Божія, 1772, с. 17);

инфинитива:

Тыхъ геретикювъ невърныхъ маємо хронитисѧ, не върити тому, за що они моватъ и не слухати науки ихъ (Галятовський, 1659/1985, с. 78).

Близкими по значению к выше названным глаголам в ситуации предостережения были вербаты **боятися, убоятися**:

[...] *абысмо вслакаго грѣха не толкво выстерѣгалиса, но и боалиса наветѣ (Семя слова Божія, 1772, с. 18);*

Покижѣ такѣ будемѣ зѣ Бѣомѣ жартовати? [...] можемо Бѣа на вѣрки розгнѣвити; Сегво оубоймоса [...] болицеса же, каймоса грѣховѣ (Семя слова Божія, 1772, с. 38).

В превентивных высказываниях употреблялись глаголы **утѣкати, сторонитися**, обозначающие действия, направленные на создание воображаемой дистанции между личностью и греховными чувствами, мыслями, поступками, напр.:

[...] *оутѣкаймо ꙗ хтивости и пожадлиности богатствѣ (Евангеліе учителное, 1616, с. 505);*

[...] *утѣкаймо ꙗ телесныѣ пожадлиностѣй, [...] утѣкаймо ꙗ марных сегвсвѣтных роскошій (Евангеліе учителное, 1637, с. 365);*

Оутѣкаймо [...] ꙗ справ незбожных (Евангеліе учителное, 1637, с. 414);

Сторонѣмоса роскоханѣ в сегвсвѣтных роскошных марностѣх (Евангеліе учителное, 1637, с. 414).

Для передачи коммуникативного смысла предупреждения и апелляции к сознанию адресатов проповедник употреблял глаголы **знать, ведать**:

Роскоши сегво облуднаго свѣта [...] сꙗтъ то перепелици жидовскіи [...] Знайте, же гробомѣ пахнутѣ, если ктѣ до нихѣ рꙗцѣ свои лакоме простретѣ (Радивиловський, 1676, с. 60);

Кто добра свои шборочаетѣ на марнотравства, на ꙗлтики, на строй вытворный, на музики, вѣдайте [...] таковой ѣкѣ самѣ, такѣ и скарбѣ егѣ тлею и червыеꙗ вѣчныꙗ пекелныꙗ изаденѣ будет (Радивиловський, 1676, с. 348).

В приведенных контекстах о нежелательном действии говорится как о таком, которое уже произошло или просходит, а авертивная семантика содержится в описываемых негативных последствиях.

В высказываниях с превентивной семантикой роль речевых маркеров предупреждения выполняли слова и словосочетания, обозначающие процессы мыслительной деятельности – **напоминаю, мѣймо в памяти**:

Православныи хр(с)тіане! [...] Мѣймо в(ѣ) памяти своєї свѣчу запаленую, огонь вѣчный пекелный, который грѣшнымъ людемъ ест(ѣ) наготованный (Галятовський, 1659/1985, с. 121);

И ѿ томъ а нынѣ напоминаю васъ, да бысмо, показавши оусерднѣую ко Хрѣту любовь, потомъ не ѿвернулись на негожѣ ненавистію: да бысмо, принавши его до дѣуши своей милѣ, не выгнали знову грѣхомъ (Семя слова Божія, 1772, с. 158).

Способом имплицитного выражения предостережений было раскрытие греховной сущности явления, по форме сходного с дефиницией и содержащее негативную оценку, напр.:

Слѣбствовать и аритислѣ на кого ли будѣ, естѣ дѣло ѿ себе словредное, бѣомерзкое, и самогѣ дѣавола (Семя слова Божія, 1772, с. 127).

Такие определения подразумевали необходимость избежания названных действий и поступков. Подтверждением превентивной функции подобных дефиниций служат примеры, когда они предшествуют превентиву или употреблены после него:

[...] кождый грѣхъ забойцею естѣ и згубцею дѣи. Выстерѣгаймѣся братіе дѣушевного крѣви плыне^на (Евангеліе учителное, 1616, с. 652);

Всею дѣушею ѿ драпѣжства, и ѿ лихвы оутѣкаймо [...] Лихва естѣ рожай адовитого гадѣ (Евангеліе учителное, 1637, сс. 589–590).

По нашим наблюдениям, наиболее активным средством передачи предостережения и запрета в проповедях становятся глаголы в форме отрицательного императива, обозначающие нежелательное действие. Д. Звездин отмечает, что многочисленные императивные формы выражают одну из важнейших коммуникативных задач проповеди – нравственный призыв (Звездин, 2011, с. 54). В аспекте этого исследования интересны рассуждения ученого-философа М. Гельфонда, который, изучая этическую сущность морали, приходит к выводу, что «мораль только тогда есть мораль, когда она всецело бескорыстна, автономна и безусловно императивна, что находит свое наиболее адекватное выражение в „негативной“ форме – в форме абсолютных моральных запретов, обеспечивающих человеку нормативную возможность всецело руководствоваться предписаниями практического разума как доброй воли», в сознательном отказе субъекта от совершения действия, на которое наложен категорический моральный запрет (Гельфонд, 2014, сс. 27, 30).

В исследуемых проповедях предостережения и запреты направлены как на конкретные обыденные ситуации, так и на моральные жизненные установки в целом. Наиболее универсальным было предостережение к совершению греха: *Толкω не грѣшѣмъ (Семя слова Божія, 1772, с. 17)*. Многие предостережения и запреты, выраженные отрицательной формой императива, основаны на Декалоге – десяти Божьих старозаветных заповедях, которые были дополнены и усовершенствованы Иисусом Христом. В заповедях, как отметила А. Паславская, пересекаются речевые акты приказа, запрета, наставления, предостережения (Паславська, 2010, с. 63).

В проповеднических произведениях наблюдаем разные способы введения в текст евангельских запретов. Автор мог использовать перечень запретов, ссылаясь на слова Иисуса, напр.:

А Ііс рекль: Не будешъ забывати. Не будешъ чужоложити. Не будешъ красти. Не будешъ мовити фалшивого свѣдоцтва (Евангеліе учителное, 1637, с. 496),

мог включать перечень в собственный монолог, без отсылки к Священному Писанию, напр.:

При томъ, братіе, не оупиваймωсѧ, не ѡбжираймωсѧ, не лихвѣмω, не забываймω, не крадмω, не свѣдчѣмω фалшиве, не чужоложмω, анъ поглядаймω пожадливе и без встыдѹ на чужюю сличность (Евангеліе учителное, 1637, с. 503),

а также акцентировать на любой из заповедей:

Не давай фалшивого свѣдоцтва на ближнего твоего (Евангеліе учителное, 1637, с. 290).

Отрицательными императивами проповедник обозначал множество других действий, от исполнения которых предостерегал адресатов:

Чужого не лупѣжмо (Евангеліе учителное, 1616, с. 506);

Милѹймо братіе оубогихъ, не презираймо оукрывженныхъ, чужого дѡбра не драпѣжмо, не кривдмо нѣкого, слвѣъ порожни^x не пріймѹймо (Евангеліе учителное, 1616, с. 931);

[...] до повсевременныхъ пѣснѣй и молитвѣ лѣнивими не будмω (Евангеліе учителное, 1637, с. 105);

Не шукайте ни живота, ани радости в роскошах сего свѣта, в обжирствах, пѣнствах и иных грѣхах смертельных (Радивиловський, 1676, с. 60); [...] не похвалѣймо себе такъ, сѣкъ Фарїсей (Семя слова Божія, 1772, с. 57).

Проповедник осознавал то, что верующие, к которым он обращается с проповедью, уже могли совершить нежелательный поступок или действие. Чтобы не оттолкнуть согрешивших и не допустить возникновения чувства отчаяния, автор избегает порицаний и призывает приостановить пребывание в состоянии греха. Исследуемые тексты фиксируют наличие речевых актов, направленных на предотвращение дальнейшего совершения греховных поступков. В этих случаях интенцию автора вербализировали словосочетание **больше не чинити, больше чинити выстерьгалися**, глаголы **перестати, оставити, занехаять**:

До того если сѧ в(ѣ) грѣхахъ якихъ найдуемо, жалуймо за нихъ [...] и перестаньмо грѣшити (Галятовський, 1659/1985, с. 139);

[...] абысмо вставши з грѣховъ, уже болішъ шныхъ чинити выстерьгалися, слухачу православный (Радивиловський, 1688, с. 85);

Жалуй, обѣщай предъ Бѣгомъ тое больше не чинити, не говорити, не мислити (Семя слова Божія, 1772, с. 43);

Хоцемъ оубо Бѣу и людемъ показати, що ѿ самой смерти на душі оуже волнїи есмы? оставможъ, занехаймо и признаковъ тоа: то естъ жартовъ, словъ нечистыхъ, лѣдалкихъ, лѣднѧ и тамъ далтїй (Семя слова Божія, 1772, с. 173);

[...] перестанмо Гѣда Бѣа хулити (Семя слова Божія, 1772, с. 347).

Задуматься над прекращением безнравственных поступков автор рекомендует и самим верующим. В приведенном далее контексте семантику предостережения передают глаголы **прервати, перешкодити**:

Случитсѧ тебѣ, же кто обмовляеть ближнаго [...] перешкодъ тому [...] прервы ему бестѣду [...] ѿиды ѿ негѧ, а такъ оумолкнетъ азыкъ слортчивый (Семя слова Божія, 1772, с. 368).

Для проповеднического дискурса примечательно усложнение превентивных высказываний менасивом – речевым актом угрозы. Е. Ерофеева отмечает, что практически любой речевой акт, выражающий побудительную интенцию говорящего, может в определенном контексте стать угрозой, если к нему при-

соединяется речевой акт обещания негативных последствий (Ерофеева, 2014, с. 244). Н. Войцеховская считает, что менасив как средство коммуникативного влияния направлен на изменение деятельности адресата путем апелляции к чувству страха и опасения и, как правило, оказывает давление на собеседника и игнорирует его интересы (Войцехівська, 2014, с. 19). Специфическим для рассматриваемых нами контекстов, принадлежащих к сфере религиозной коммуникации, есть то, что угроза исходит не от говорящего, а от третьего участника коммуникации. Адресат только предупреждает об этой угрозе, пытаясь таким образом предотвратить поступки и действия, влекущие тяжкие последствия. Убеждая прихожан не совершать греховных поступков, священник напоминал о неминуемом наказании, Божьей каре, которой они будут подвергнуты за содеянное. Согласно с христианской религией, наиболее страшным наказанием за совершенные греховные поступки было отправление человека в ад, который в украинском языке назывался словом **пекло**:

Єще и для тогоу хранимься грѣховѣ, бо за грѣхи посилаєть бѣгъ людей до пекла на вѣчныи муки (Галятовський, 1659/1985, с. 102).

Проповедник предупреждал, что Божья кара может постичь человека и в земной жизни в виде болезней, эпидемий, войны и проч.:

Выстерѣгаймося грѣховѣ и для тогоу, бо за грѣхи караєть бѣгъ людей голодомъ. [...] За грѣхи караєть бѣгъ войною, неволею, спустошен(ь) емъ и упадкомъ королевства, панства и земля розмаитыи (Галятовський, 1659/1985, с. 102).

Предостерегая от нежелательных поступков или запрещая их, проповедник побуждал адресатов к выбору иной модели поведения, указывая, как должен поступать настоящий христианин. Превентивные высказывания дополнялись рекомендациями и наставлениями. На синтаксическом уровне такие речевые акты воплощались в предложения с семантикой противопоставления с использованием противительных союзов **а**, **але** или без них:

До того удалаймоса $\omega(t)$ свѣта, не уганаймоса за богатствами и иншыми марностами свѣцкими, але служѣмо бѣу (Галятовський, 1659/1985, с. 73);

И мы жѣ товариства $z(\bar{v})$ людми злыми не мѣймо, але $z(\bar{v})$ добрыми людми конверсуймо, то волными $\omega(t)$ грѣха зостанемо [...] (Галятовський, 1659/1985, с. 150);

ЄѲ томже частѡ помышляючи, оуклоняйтеса Ѡ сла, а творьте бл҃гое, таковымъ бо способомъ избѣжите вѣчныхъ мукъ, а получите радость (Семя слова Божія, 1772, с. 83);

[...] боймоса грѣшити, творимъ же дѡбра (Семя слова Божія, 1772, с. 357).

В системе средств убеждения, направленных на недопущение совершения греховного действия, выделяем апелляцию к прецедентным феноменам. Авторы использовали различные примеры, небольшие рассказы поучительного содержания. В традиционных проповедях источником поучительных примеров были старозаветные и евангельские истории. Авторы барочных проповедей использовали и много иного материала. Включая в проповедь поучительный пример с негативным исходом, проповедник предупреждал адресатов о возможной опасности, если нежелательное действие будет ими выполнено. Сформулированный вывод после прослушанного примера включал высказывания превентивной семантики:

Тад повѣсть нѣчого иншоѳ насъ не научаетъ, тылкѡ абымоса слои компанѣи стерегли, абыѳмо з нею жаднои не мѣли сполечности, если хочемъ оуйти грѣховъ (Радивиловський, 1688, с. 675);

Слухачу православный. Видячи мы такъ нещасливый житїа конецъ лакомого богача [...] Стережѣмоса лакомства аекѡ згубы, аекѡ добродѣтелей искоренителки, а грѣховѳ оумножителки (Радивиловський, 1688, с. 717).

Таким образом, предостережение логически вытекало из приведенных примеров.

Использование специальных речевых маркеров **видячи, видѣте сами, приклады и доводы могут нас побудити**, обращенных к базовой модальности реципиента, создавало эффект, что адресаты самостоятельно пришли к такому выводу, напр.:

И такъ оуже къ вамъ шбръцаю мою рѣчь [...] Видѣте самы теперь, аекъ великое сло єсть зависть. Ѡкинможѳ тую и акимъ можемо способомъ Ѡженѣмъ Ѡ насъ (Семя слова Божія, 1772, с. 114);

[...] тїи, що сказалисѡ приклады и доводы могутъ насъ побудити, да не прїємлемъ до срѣца, но да гнѣшаемсѡ такъ мерзостнагѡ Бѣѳу, и людямъ самовреднагѡ пристрастїа (Семя слова Божія, 1772, сс. 132–133).

Авторитетность и убедительность предостережений усиливается, когда они являются цитатами из Священного Писания. В приведенных далее примерах автор цитирует Сираха, называя его небесным любому-дром, слова Иисуса Христа из Евангелия, пророка Захарии:

Послухаймо братіе Пророка Бжого Захаріи о томъ мовачого, а насъ наминаючого: злости брата своего, мовитъ, нѣхто на памяти срѣца нехай не носитъ, и злопомнѣніа на ближнихъ своихъ нѣхто на памяти мыслій своихъ нехай не держитъ (Евангеліе учителное, 1616, с. 76);

[...] *помнѣчи на швое напомниме любомуѣрца Нбѣнаго: Аѣко ѿ лица смѣина, бжжи ѿ грѣха* (Радивиловський, 1688, с. 646);

И дла того рекль Хѣ Сѣтль: Хранѣтеса ѿ лихоимства (Радивиловський, 1688, с. 717).

Во многих случаях замечаем, что священник пытается высказывать предостережения ненавязчиво, он явно демонстрирует желание, чтобы адресаты сами добровольно избрали жизненные стратегии. В таких случаях предостережения становятся рекомендациями, которые адресат может принять согласно своей воле. Намерение оставить выбор за адресатом автор выражает речевыми маркерами, в структуру которых входят лексические единицы со значением 'желать, хотеть': **если истинно желаемъ, если хотимъ, да ежели хотимъ, ще ли хотѣте:**

Овожъ если хочемо погордит славою мира сегго и грѣхов сла оустеречи, шборочаймо мысль нашу ку нѣу, мыслмо ш славь вѣчной, а не ш дочасной (Радивиловський, 1676, с. 310);

Аще ли боитеса, и хочете того сла избѣжати, то часто помышляйте, що вамъ конечно потреба будетъ стати пред Хрѣтомъ страшнымъ судіею (Семя слова Божія, 1772, с. 83);

Если истинно желаемъ [...], то потреба намъ штавити той путь, которымъ даже до нынѣ ходили есмы, тоестъ путь грѣховнїй, а ити тымъ путемъ, которымъ всегда ходилъ, и ходити научалъ Гѣдъ нашъ Іисъ Хрѣтосъ (Семя слова Божія, 1772, с. 255).

Обратим внимание на то, что проповедник прибегал к разным способам создания эмоционального фона, способствующего принятию реципиентом авторской концепции ценностей. Среди них номинация адресатов словом *брат*, что нивелировало позицию превосходства проповедника:

Убоймоса прето братіе мои, а слишачи о такъ страшномъ и срокгомъ судъ и о такъ окрѹтныхъ мука^x, стра^имоса и плачмо (Евангеліе учителное, 1616, с. 56).

Создание атмосферы равенства достигалось использованием глаголов в грамматических формах первого лица множественного числа:

Понехаймо вшелакихъ злыхъ обычаевъ, облуды, под^дступства, и зрады (Евангеліе учителное, 1616, с. 99).

С помощью местоимения **мы** проповедник достигал эффекта тесного единения с прихожанами:

И мы прето братіе всесильного своего створителя и Бга не ображаймо, не гнѣвьмо, бж^свенныхъ его приказаній не занедбываймо, а на кождый день и годину просити его не занехиваймо (Евангеліе учителное, 1616, с. 277).

Искренность переживаний автора за прихожан передавали перформативы **просить, молить**, предшествующие превентиву:

Прошу прето васъ, Братіе, [...] не нарѣкаймω на Бга, анѣса ему оуприкраймω (Евангеліе учителное, 1637, с. 133);

Не ослабѣваемω прето прошу ва^с, и не опускаймωса, анѣ под^ддаваемωса и^x штоденному штурмова^ию (Евангеліе учителное, 1637, с. 156);

[...] молю васъ слѹшателіе, аекоже и себе самого оувѣщаваю, да на зависть другихъ [...] не смотримъ (Семя слова Божія, 1772, с. 115).

Большей силой убеждения обладали превентивы-заклинания:

Чи маемо жъ вонтптити ω своемъ збавеню, же не много людей будетъ(ъ) в нѣтъ? Не дай того, бже, абы смо вонтптити мѣли (Галятовський, 1659/1985, с. 138).

Для убеждения и приобщения прихожан к нужной модели поведения автор использует различные выразительные средства в структуре авертивов. Формированию убеждения не совершать того или иного греховного действия способствуют эпитеты, выражающие негативную оценку, например, грех злопамятства проповедник называет **душегубным**:

Оутѣкаймо прето братіе ѿ душегубной сей заразы злопомнѣніа (Евангеліе учителное, 1616, с. 77),

а обращаясь к людям, поклоняющимся богатству, как богу, употребляет эпитет **мерзенный**:

[...] *обрядмо собѣ того бога, [...] мерзенного того бога понехаймо* (Евангеліе учителное, 1616, с. 85).

Для усиления эффективности речевого воздействия авторы проповедей часто прибегают к различным риторическим фигурам:

амплификации:

И мы прето братіе всесильного своего створителя и Бѣа не ображаймо, не гнѣвѣмо, бжѣвенныхъ его приказаній не занедбываймо, а на кождый день и годину просити его не занехиваймо (Евангеліе учителное, 1616, с. 277);

градации:

[...] *припоминаймо собѣ бѣа, встыдаймоса и боймоса пре(д) бѣскими очима грѣхъ чинити, жебы смѡ грѣхѡмъ своимъ бѣа не шобразили* (Галятовський, 1659/1985, с. 150);

парной синонимии:

Не зайзрѣмѡ злымъ людемъ, анѣ завидмѡ тым котрыѣ [...] незбожности полнѣтъ (Евангеліе учителное, 1637, с. 105);

Лѣнивствомъ себе не грузѣмѡ и не топѣмѡ (Евангеліе учителное, 1637, с. 464).

Эти риторические фигуры создавали эмоциональную речь, «эмоциональный нажим на аудиторию», что, как утверждает И. Стернин, оказывается более действенным, нежели логическая аргументация (Стернин, 2015, с. 265).

Выводы

Использование в проповедническом дискурсе речевых актов предостережения и запрета обусловлено интенцией автора предостеречь адресатов от поступков, противоречащих христианским нормам. Исследуемые тексты свидетельствуют, что для воплощения семантики предостережения проповедники используют различные лексические и грамматические средства, а для большего убеждения и приобщения прихожан к нужной

модели поведения – различные выразительные средства в структуре превентивов. Высказывая предостережения, проповедник стремился создать атмосферу доверия и равенства. Исследуемый материал дает основания сделать выводы о мощном потенциале языкового ресурса украинского языка XVII–XVIII вв. для обеспечения речевого воздействия и открывает перспективы для изучения динамики его дальнейшего развития.

Библиография

- Балл, Г., & Бургин, М. (1994). Анализ психологических воздействий и его педагогическое значение. *Вопросы психологии*, 1994(4), 56–66.
- Войцехівська, Н. (2014). Засоби вираження погрози в українському конфліктному діалогічному дискурсі. *Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах*, 2014(30), 17–30.
- Галятовський, І. (1985). Ключ розуміння. In І. Галятовський, *Ключ розуміння* (pp. 53–211). Наукова думка. (Original work published 1659).
- Гельфонд, М. (2014). К вопросу о соотношении морали и цивилизации. *Этическая мысль*, 14, 25–35.
- Добрушина, Н. (2006). Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения. *Вопросы языкознания*, 2006(2), 28–67.
- Евангеліе учителное, албо казаня на кождую неделю и свята урочистыи.* (1616). Друкарня Вильнюського братства. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000067>
- Ерофеева, Е. (2014). Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе. *Политическая лингвистика*, 2014(4), 240–247.
- Ерофеева, Е. (2015). Роль социального статуса коммуникантов в выражении менасивной и авертивной семантики (на примере французского дискурса). *Политическая лингвистика*, 2015(1), 164–168.
- Євангеліе учителное, албо казаня на кождую неділю и свята урочистыи.* (1637). Друкарня Києво-Печерської лаври. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000059>
- Звездин, Д. (2011). Православная проповедь как коммуникативный акт (на примере творчества архимандрита Иоанна Крестьянкина). *Вестник Челябинского государственного университета*, 2011(33): Филология; Искусствоведение, 60, 52–54.
- Зелінська, О. Ю. (2013). Барокова проповідь як відображення українсько-польських зв'язків. In R. Dymczyk, I. Krywoszeja, & N. Morawiec (Eds.), *Polsko-ukraiński dyskurs humanistyczny* (pp. 275–281). Wydawnictwo “Taurus”.
- Кинцель, А. (2013). Психолингвистические механизмы речевого воздействия. *Известия Алтайского государственного университета*, 2(2), 150–154. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)2.2-33](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)2.2-33)

- Кленина, Ю. (2003). *Превентив: Семантика и способы выражения* [Unpublished doctoral dissertation]. Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.
- Ковалев, Г. (1987). Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия. *Вопросы психологии*, 1987(3), 41–49.
- Куравська, Н. (2016). Семантика прохібітыва та засоби його вираження в сучасній українській мові. *Актуальні проблеми філології та перекладознавства*, 10(2), 70–74.
- Леонтьев, А. (1997). *Психология общения*. Смысл.
- Мечковская, Н. Б. (1998). *Язык и религия*. Агентство “ФАИР”.
- Назари, Ф. (2011). Способы выражения запрета в русском языке. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2011(6), 684–686.
- Паславська, А. (2010). Мовленнєвий жанр “заповідь” в аспекті міжкультурної комунікації. In Р. Помірко, Ф. Бацевич, & А. Паславська, *Мовленнєві жанри в міжкультурній комунікації* (pp. 63–82). ПАiC.
- Радивилівський, А. (1676). *Огородок Маріи Богородици*. Друкарня Києво-Печерської лаври. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000123>
- Радивилівський, А. (1688). *Венец Христов*. Друкарня Києво-Печерської лаври. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000071>
- Савелюк, Н. (2015). Психологические особенности основных жанров религиозного дискурса: молитвы, исповеди, проповеди и обрядового действия. *Science and Education: A New Dimension: Pedagogy and Psychology*, 3(30/59), 78–81.
- Семя слова Божія*. (1772). Друкарня Успенського монастиря. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000015>
- Стернин, И. (2015). *Основы речевого воздействия*. Директ Медиа.

Bibliography (Transliteration)

- Ball, G., & Burgin, M. (1994). Analiz psikhologicheskikh vozdeistviy i ego pedagogicheskoe znachenie. *Voprosy psikhologii*, 1994(4), 56–66.
- Dobrushina, N. (2006). Grammaticheskie formy i konstruktсии so znacheniem opaseniia i predosterezheniia. *Voprosy iazykoznanii*, 2006(2), 28–67.
- Erofeeva, E. (2014). Rechevye akty ugrozy i preduprezhdeniia i ikh kosvennaia realizatsiia vo frantsuzskom diskurse. *Politicheskaiia lingvistika*, 2014(4), 240–247.
- Erofeeva, E. (2015). Rol' sotsial'nogo statusa kommunikantov v vyrazhenii menasivnoy i avertivnoy semantiki (na primere frantsuzskogo diskursa). *Politicheskaiia lingvistika*, 2015(1), 164–168.
- Evangelie uchitelnoe, albo kazania na kozhduiu nedeliu i sviata urochistyi*. (1616). Drukarnia Vil'nius'kogo bratstva. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000067>
- Gel'fond, M. (2014). K voprosu o sootnoshenii morali i tsivilizatsii. *Èticheskaiia mysl'*, 14, 25–35.

- Haliatovs'kyi, I. (1985). Kliuch rozumennia. In I. Haliatovs'kyi, *Kliuch rozuminnia* (pp. 53–211). Naukova dumka. (Original work published 1659).
- IEvangelie uchitelnoe, albo kazania na kozhduiu nediliu i sviata urochistyi.* (1637). Drukarnia Kyievo-Pechers'koï lavry. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000059>
- Kintsel', A. (2013). Psikholingvistichekies mekhanizmy rechevogo vozdeistviia. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(2), 150–154. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)2.2-33](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)2.2-33)
- Klenina, I. (2003). *Preventiv. Semantika i sposoby vyrazheniia* [Unpublished doctoral dissertation]. Riazanskiï gosudarstvennyi universitet imeni S. A. Esenina.
- Kovalev, G. (1987). Tri paradigmy v psikhologii – tri strategii psikhologicheskogo vozdeistviia. *Voprosy psikhologii*, 1987(3), 41–49.
- Kuravs'ka, N. (2016). Semantyka prokhibityva ta zasoby ioho vyrazhennia v suchasniï ukrains'kiï movi. *Aktual'ni problemy filolohii ta perekladoznavstva*, 10(2), 70–74.
- Leont'ev, A. (1997). *Psikhologiiia obshcheniia*. Smysl.
- Mechkovskaia, N. B. (1998). *IAzyk i religiiia*. Agentstvo “FAIR”.
- Nazari, F. (2011). Sposoby vyrazheniia zapreta v russkom iazyke. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2011(6), 684–686.
- Paslavs'ka, A. (2010). Movlennievyi zhanr “zapovid” v aspekti mizhkul'turnoi komunikatsii. In R. Pomirko, F. Batsevych, & A. Paslavs'ka, *Movlennievi zhanry v mizhkul'turnii komunikatsii* (pp. 63–82). PAiS.
- Radyvylovs'kyi, A. (1676). *Ogorodok Marii Bogoroditsy*. Drukarnia Kyievo-Pechers'koï lavry. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000123>
- Radyvylovs'kyi, A. (1688). *Venets Khristov*. Drukarnia Kyievo-Pechers'koï lavry. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000071>
- Saveliuk, N. (2015). Psikhologicheskies osobennosti osnovnykh zhanrov religioznogo diskursa: molitvy, ispovedi, propovedi i obriadovogo deistviia. *Science and Education: A New Dimension: Pedagogy and Psychology*, 3(30/59), 78–81.
- Semia slova Bozhiiia*. (1772). Drukarnia Uspens'koho monastyria. <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000015>
- Sternin, I. (2015). *Osnovy rechevogo vozdeistviia*. Direkt Media.
- Voitsekhivs'ka, N. (2014). Zasoby vyrazhennia pohrozy v ukrains'komu konfliktnomu dialohichnomu diskursi. *Humanitarna osvita v tekhnichnykh vyshchykh navchal'nykh zakladakh*, 2014(30), 17–30.
- Zelins'ka, O. I. (2013). Barokova propovid' iak vidobrazhennia ukrains'ko-pol's'kykh zv'iazkiv. In R. Dymczyk, I. Krywoszeja, & N. Morawiec (Eds.), *Polsko-ukrainski diskurs humanistyczny* (pp. 275–281). Wydawnictwo “Taurus”.
- Zvezdin, D. (2011). Pravoslavnaia propoved' kak kommunikativnyi akt (na primere tvorchestva arhimandrita Ioanna Krest'iankina). *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011(33): *Filologiiia; Iskusstvovedenie*, 60, 52–54.

Warnings and Prohibitions as Means of Exerting Influence on the Addressee in Seventeenth– Eighteenth-Century Ukrainian Sermons

Summary

In religious communication, psychological influence – as a result of which a person should change their subjective features (value orientations, ways of conduct, etc.) – is aimed at fostering compliance with religious norms. The tasks of a priest include religious education and correcting people's behaviour, warning them against acts which contradict Christian values, in other words: preventing people from committing sins. This task is best achieved by means of verbal persuasion used in sermons.

This paper offers a diachronic analysis of speech acts of warning and prohibition (preventives and prohibitives) on the basis of written monuments of the Ukrainian language: Ukrainian sermons from the seventeenth and eighteenth centuries. In the analysed sermons, they are used in order to achieve the aim of preventing sinful conduct. They refer both to everyday situations and to moral attitudes in general.

In the texts under consideration, the semantics of warning and prohibition is conveyed using means of expression from different levels. At the lexical level, they are verbs with the general meaning 'to warn', 'to be afraid', and verbs of action creating a distance between the individual and sinful feelings, thoughts and actions: 'to escape', 'to reject'. Words and phrases denoting cognitive processes play the role of discourse markers: 'to know', 'to be aware of', 'to remind'.

The speech acts of warning and prohibition are most frequently expressed with verbs in the form of negative imperative. One specific aspect of the use of preventives is that they are supplemented with recommendations which the addressee may accept of his/her own will.

The preacher uses various rhetorical strategies to enhance the convincing function of warnings, such as references to widely known cases from the past (precedential phenomena), quotations from the Holy Scripture, and preventive exhortations. In order to better convince the congregation and urge them

to follow the model of proper conduct, the preacher uses various means of expression: epithets conveying negative valuation, and stylistic figures: amplification, gradation, pairs of synonyms.

The material under consideration makes it possible to conclude that the Ukrainian language of the seventeenth–eighteenth centuries had a considerable potential in terms of verbal persuasion, and opens prospects for the study of its dynamics.

Ostrzeżenia i zakazy jako środki wywierania wpływu na adresata w XVII–XVIII-wiecznych kazaniach ukraińskich

Streszczenie

W komunikacji religijnej psychologiczne oddziaływanie na osobę nastawione na zmianę subiektywnych cech (wyznawanych wartości, zachowania itp.) ma na celu propagowanie życia w zgodzie z normami religijnymi. Do zadań kapłana należy wychowanie i poprawa ludzkich zachowań, ostrzeżenie przed czynami i działaniami sprzecznymi z wartościami chrześcijańskimi, a więc zapobieganie grzechowi. Najskuteczniejszym środkiem realizacji tego celu w działalności homiletycznej jest zastosowanie perswazji słownej.

Niniejszy artykuł przedstawia analizę diachroniczną dwóch typów aktów mowy o charakterze dyrektywnym: ostrzeżeń i zakazów (prewentywów i prohibitywów), przeprowadzoną na materiale zabytków piśmiennictwa ukraińskiego – XVII–XVIII-wiecznych kazaniach ukraińskich. W analizowanych kazaniach środki te odnoszą się zarówno do sytuacji życia codziennego, jak i ogólnych postaw moralnych, a ich zastosowanie ma na celu zapobieganie grzesznemu zachowaniu.

W badanych tekstach semantyka zakazu i ostrzeżenia jest wyrażana na różnych poziomach. Na poziomie słownictwa są to czasowniki o ogólnym znaczeniu ‘ostrzegać’, ‘bać się’, a także czasowniki oznaczające działania wprowadzające dystans pomiędzy adresatem a grzesznymi uczuciami, myślami i działaniami: ‘uciekać’, ‘odrzucać’. Rolę znaczników dyskursu pełnią słowa i frazy oznaczające procesy kognitywne: ‘znać’, ‘wiedzieć’, ‘przypominać’.

Ostrzeżenia i zakazy są najczęściej wyrażane czasownikami w formie przeczącej trybu rozkazującego. Jednym ze szczególnych aspektów ich zastosowania jest to, że są one uzupełniane zaleceniami, które adresat może zaakceptować z własnej woli.

Kaznodzieja stosuje różne strategie retoryczne, żeby wzmocnić perswazyjną funkcję ostrzeżeń. Należą do nich odwołania do znanych zjawisk (zjawisk precedensowych), cytaty z Pisma Świętego czy zapobiegawcze zaklinania. Aby lepiej przekonać wiernych i nakłonić ich do przestrzegania modelu właściwego zachowania, stosuje różne środki wyrazu: epitety wyrażające negatywną ocenę, jak również figury stylistyczne: amplifikację, gradację czy pary synonimów.

Badany materiał skłania do wniosku, że język ukraiński XVII–XVIII wieku miał znaczny potencjał w zakresie perswazji słownej i otwiera perspektywę badań nad dynamiką jej rozwoju.

Keywords: sermon; verbal persuasion; speech act of warning and prohibition; preventive; prohibitive; imperative; Ukrainian language of the 17th–18th centuries

Słowa kluczowe: kazanie; perswazja słowna; akty mowy; ostrzeżenie i zakaz; prewentyw; prohibityw; tryb rozkazujący; język ukraiński XVII–XVIII wieku

Oksana Zelinska, Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University, Uman, Ukraine

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7965-428X>

Correspondence: zelinska67@ukr.net

The preparation of this article was self-financed by the author.

Competing interests: The author has declared that she has no competing interests.